

Наталья МАКАШОВА

Этика и экономическая теория

...В основе экономической области лежит нечто простое и роковое, само по себе из нравственного начала не вытекающее — необходимость труда для поддержания своего существования. Нет, однако, и не было такого низменного состояния в жизни человечества, когда бы эта простая необходимость не осложнялась нравственным вопросом.

Вл. Соловьев

На протяжении всей своей относительно недолгой истории как самостоятельной научной дисциплины экономическая наука пыталась найти собственное место в системе научного знания, определиться в семье других наук. В этом поиске она колебалась между устремленностью к естественнонаучным дисциплинам (о методологической близости с которыми неоднократно заявлялось) и приверженностью к нравственной философии. Главным вопросом метода экономической науки был и остается вопрос о допустимости категории должного и о способе «проникновения нормативного элемента» в экономическую теорию.

До недавнего времени большинство экономистов выступали, скорее, за отделение нравственного от хозяйственного, считали, что наука должна быть свободной от нормативного контекста. Такой взгляд восходит к картезианской традиции разделения общественного и субъективного. Для современной экономической науки большое значение имела философия критического рационализма, в значительной мере предопределившая общую направленность экономической теории, а также ее слабые стороны — фрагментарность и оторванность от социокультурного и исторического базиса.

Осознание необходимости преодоления этих недостатков, а следовательно, более широкого взгляда на явления экономической жизни в контексте культурно-исторического развития идет постепенно, под влиянием процессов как в самой экономической науке, так и в общественном сознании и социально-экономической реальности. Получает признание тот факт, что в современном мире нравственное и хозяйственное настолько тесно переплетены, что «вычленение» чистой экономической проблематики вряд ли возможно. Конечно, эта тема и ранее привлекала внимание экономистов и философов, но сегодня проблема расширения рамок экономического анализа стала более настоятельной. Здесь следует в первую очередь отметить,

Макашова Н. А. — кандидат экономических наук, и. о. заведующего отделом Института научной информации по общественным наукам РАН. Специалист по истории и методологии экономической науки.

что в современном мире субъектами хозяйственной деятельности являются не столько отдельные индивиды или некие атомарные фирмы, с которыми имела дело классическая экономическая теория, сколько крупные структуры, организации, институты и даже правительства. Будучи субъектами хозяйства, они делают свой выбор в каждом конкретном случае. Огромная мощь некоторых из них, возможность влиять не только на социально-экономическую среду (хотя и этого немало), но и на природное и культурное окружение, с особой остротой ставят проблему *ответственности*, которую невозможно сформулировать в строго экономических терминах. Появляется важная философская проблема *применения нравственных критериев к личностным субъектам*.

Независимо от степени ее научной разработанности в общественном сознании утверждается мнение о необходимости оценки деятельности крупного бизнеса, организаций, институтов и правительств с позиций морали. Более того, признается важность нравственной стороны хозяйственной деятельности всех экономических субъектов, в том числе и индивидов. Современный человек, независимо от того, имеет ли он собственное дело, работает ли по найму, никак не может быть «втиснут» в рамки модели экономического человека — *homo economicus*. Хозяйственная жизнь цивилизованного общества не может строиться исключительно на принципе корыстного интереса, а рынок в его современном виде не является чем-то совершенно не совместимым и не связанным с понятиями справедливости и нравственности.

Сдвиги в общественном сознании не могли не сказаться и на экономической науке. Необходимость выхода за рамки так называемой «чистой науки» и рассмотрения вопросов хозяйствования в широком культурно-нравственном контексте постепенно признается экономистами, прежде всего теми, кто размышляет о будущем своей науки и общества.

«Экономические условия будущего постиндустриального общества,— пишет П. Козловски,— будут не только благоприятствовать объединению этики, теории культуры и экономической теории, но и потребуют пересмотра хозяйственной этики и создания этической экономической теории»¹. Подобное представление о тенденциях развития экономической науки основывалось не только на осознании реалий современного мира, но и на истории развития самой экономической теории.

Нравственные начала экономической теории

Несмотря на объективизм, доминировавший ранее в экономической теории, нельзя не видеть, что она никогда не была свободна от нравственно-философского базиса вне зависимости от того, признавали это экономисты или нет. Особенно явно эта связь проявилась в критические периоды истории экономической науки, когда ее крупные теоретики непосредственно обращались к нравственно-философским проблемам. Можно назвать по крайней мере двух выдающихся мыслителей нашего века, прямо заявивших об этической направленности экономической теории и пытавшихся сформулировать ее этический базис. Это русский философ С. Булгаков и английский экономист Дж. Кейнс. Принадлежа к разным философским школам и в некоторой степени к различным духовным культурам, они были едины в признании нравственного характера экономической науки, заявили о своей оппозиции ортодоксальной экономической теории (прежде всего англо-американской и австрийской школе), от-

¹Koslowski P. Prinzipien der ethischen Ökonomie. Tübingen, 1988.

стаивающей принцип этической нейтральности². При этом их исходные мировоззренческие позиции, а также понимание проблемы совершенно не совпадали.

Булгаков, опираясь на традиции русской социально-философской мысли³ со свойственным ей преобладанием нравственного элемента над рационализмом, подходил к хозяйственной жизни с религиозно-философских позиций и рассматривал хозяйство и хозяйственную деятельность как явление не только материальной, но и духовной жизни. Именно Булгаков в 1912 г. впервые поставил вопрос о философии хозяйства как о некоей системе оценок, норм и идеалов применительно к сфере хозяйствования, выступил с критикой ортодоксальной экономической теории за узость ее философско-нравственного базиса, за экономизм как философию хозяйства, как мировоззрение, сводящее все многообразие хозяйственной жизни к материальным отношениям и пытающееся обеспечить это многообразие, опираясь на механическое представление о хозяйстве и человеке в нем. Последнее нашло свое законченное выражение в модели экономического человека, которая в конце прошлого и в нашем веке во многом представляла лицо экономической теории. Через десятилетия после Булгакова принципиальную ограниченность этой модели поняли многие западные экономисты⁴.

Одновременно с критикой экономического человека как не адекватной действительности теоретической модели шел процесс отказа от принципа «чистой науки». Но этот процесс был бы невозможен без серьезных изменений общественного сознания и усилий, предпринятых в рамках самой экономической науки, прежде всего Кейнсом.

В отличие от Булгакова Кейнс рассуждал в рамках философии рационализма, не обращаясь к религии как некоей безусловной нравственной инстанции. Он рассматривал этику как систему ценностных ориентиров в обществе, проявляющуюся в правилах поведения людей (но ими не исчерпывающуюся) и являющуюся отражением духовной эволюции общества. Исходя из изменчивости этических установок в обществе, он полагал, что ученый-экономист, как и любой интеллигент, может выступать носителем новых ценностных ориентиров и предложить новую экономическую теорию, опирающуюся на соответственный философско-нравственный базис. Именно признание этической направленности экономической теории, необходимости ориентировать ее на постановку и решение тех проблем, которые общество считает особенно важными или будет считать таковыми, составляет суть кейнсианской революции.

Вообще, революция в науке не отделима от изменений системы ценностей в обществе и в определенной мере побуждается этими изменениями.

Мы, разумеется, не должны сбрасывать со счетов историческую школу. Именно она впервые открыто поставила проблему должного в политэкономии, сделала упор на ее практические функции и сформулировала в качестве основной задачи обоснование принципов социальной политики, направленной на достижение национального благополучия. Историческая школа оказала большое влияние на русскую экономическую мысль конца XIX — начала XX века. Национально-государственный подход к экономическим явлениям, который она отстаивала, и принцип неразделимости нравственного и хозяйственного, на который она опиралась, нашли почву в России и понимание среди многих русских экономистов. Здесь нельзя не упомянуть Вл. Соловьева, предостерегавшего как от полного разделения хозяйственной и нравственной областей, так и от полного их смешения. Первый грех был характерен, по его мнению, для ортодоксальной политической экономии, которую он называл анархической, а второй — для социализма (см. Соловьев В. С. *Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1988, с. 407*). Против представления о человеке как об автомате, запрограммированно реагирующем на внешние воздействия, с одной стороны, и как о субъекте совершенно свободном, находящемся вне социальной среды и духовной культуры — с другой, в наше время писали такие ученые, как Т. Балог, Г. Арндт, Р. Маккензи и др.

Само становление самостоятельной экономической науки было связано с распространением индивидуализма как социальной философии. На ее основе разрабатывал свою научную систему А. Смит.

Определяя контуры новой науки, Смит вольно или невольно наметил контуры многих проблем, которыми занималась экономическая наука на протяжении двух веков. К их числу относится и проблема методологической двойственности экономической науки (как науки объективной и как нравственной философии). Для самого Смита связь политической экономии и нравственной философии была естественна и очевидна. Не случайно в университете он читал курс нравственной философии. Обе его знаменитые работы — «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов» — настолько внутренне взаимосвязаны, что могут рассматриваться как «два отдела одного и того же предмета».

Экономическую науку в строгом смысле Смит понимал как науку о богатстве — отдельного человека и нации в целом. Но интересуясь человеком вообще и изучая различные проявления его сущности, он не мог рассматривать его хозяйственную деятельность только через призму корыстного интереса, хотя в накоплении богатства именно этот мотив сыграл решающую роль. Можно сказать, что Смит сам задавал более широкий контекст своих экономических рассуждений. Взаимозависимость нравственного и хозяйственного у великого шотландца в конечном счете определялась его представлениями о нравственной природе человека, заложенной Богом. Именно благодаря нравственной основе и взаимосвязанности всех людей через Бога личное благо отдельного человека в принципе может быть согласовано с благом других людей и общества в целом. Вера в Бога позволила Смицу примирить корысть и добро, нравственность и хозяйство.

Этика и методология науки

Признание существования некоторого нравственного контекста" экономической деятельности еще не определяет то, каким образом этика отражается в экономической теории. И здесь, как показала история экономической науки, возможны два пути. Первый условно можно назвать нормативным, или внешним. Он предполагает, что хозяйственная деятельность рассматривается сквозь призму некоторой заданной извне системы ценностей, которая привносится экономистом и отражает его мировоззренческую позицию, определяющую в числе прочего его видение хозяйственных процессов и их смысл, и проявляется в императиве, указывающем направление должных изменений экономической реальности.

Второй путь условно можно обозначить как внутренний и позитивистский. Он предполагает, что этические установки проникают в теорию через экономического субъекта, т. е. присутствуют в ней постольку, поскольку экономические субъекты в своем поведении ориентируются на нормы и представления о допустимом и недопустимом, о добре и зле и т. д. В этом случае ученый выступает как сторонний и беспристрастный наблюдатель, хотя в действительности происходит, скорее, отождествление его собственной позиции с типичными (с его точки зрения) представлениями либо с представлениями тех, кто, по его мнению, в наибольшей степени определяет развитие общества в данный исторический момент.

Совершенно очевидно, что способ проникновения этики в экономическую теорию тесным образом связан и во многом определяется методологией. Здесь следует указать прежде всего два методологических принципа, пронизывающих всю историю экономической мысли: методологический холизм и методологический индивидуализм. Разумеется, способ проникновения этики в экономическую науку и методология последней не являются

чем-то однозначно взаимосвязанным. Тем не менее холизм, как правило, предполагает нормативную ориентацию теории, а методологический индивидуализм является методологией «этически нейтральных» (или допускающих присутствие этических элементов только на уровне отдельного человека) концепций.

Исторически, исходным методом экономического анализа был холизм, причем нормативная направленность экономических рассуждений выражалась совершенно определенно. Столетиями хозяйственные процессы рассматривались через призму справедливости. Проблема цены — едва ли не единственная экономическая проблема ранних трактатов на экономические темы — выступала как проблема «справедливой цены». А проблема богатства в той мере, в какой до Смита она вообще поднималась, — скорее, как проблема его справедливого распределения, нежели роста.

Идея справедливости довлела над экономической мыслью Древнего мира и средневековья. В Европе на протяжении многих веков хозяйственная деятельность была лишена полного морального оправдания: значение богатства как самостоятельной ценности отрицалось. Аскетическое средневековое христианство требовало известной отстраненности не только от богатства как такового, но и от устремленности к мирским благам вообще. К труду относились отнюдь не как к деятельности, воплощающей божественное начало. И в то же время именно христианство, хотя и не без влияния других религий (причем, как считал, например, Дж. С. Милль, очень сильного влияния), способствовало утверждению в сознании людей идеи свободы человеческой личности и тем самым приоткрыло дорогу личностному индивидуалистическому мироощущению.

Постепенно происходило, как писал Булгаков, восстановление «в своем достоинстве труда и всех видов человеческой деятельности, в том числе и хозяйственной»⁵. Богатство получило моральную легитимацию в обществе, а христианская заповедь бедности стала рассматриваться, скорее, как нравственная *maxima*, а не как нечто, определяющее повседневную жизнь. (Возможно, в этом разделении уже была предопределена та двойственность экономической науки, которую пытался преодолеть Смит.) Складывалось убеждение, что богатство — благо, к которому следует стремиться, и, следовательно, морально оправданными становились исследования того, как реально происходит рост богатства и какие факторы ему способствуют. Тем самым нравственное оправдание получила не только хозяйственная деятельность, но и экономическая наука.

Важную роль в определении сущности экономической науки как самостоятельной научной дисциплины сыграли идеи философов-просветителей. Идея естественного нравственного закона и порядка в природе и обществе стала той основой, на которой строилось здание экономической теории, свободной от озабоченности проблемой справедливости в ее специфической экономической постановке. Она позволила рассматривать хозяйство и экономические процессы как объективную реальность, а направленные на их исследование усилия как научную деятельность. Одновременно формировались основы философии экономического либерализма.

Утверждению идей либерализма способствовала и практика. Напомним, что знаменитый принцип «*laissez-faire*» первоначально был сформулирован именно как требование практики, показавшей, с одной стороны, неэффективность хозяйства, находящегося под контролирующим воздействием государства, а с другой — успехи промышленности, освобожденной от его опеки. Представление о «*laissez-faire*» как о некоей философии свободной эко-

⁵ См. Булгаков С. Н. Очерки по истории экономических учений. Вып. 1. М., 1918, с. 115.

номики сформировалось значительно позже, чем был выдвинут сам принцип. Произошло это уже после предложенного Смитом теоретического обоснования свободной экономики. Но великий шотландец в отличие как от многих предшественников, так и от многих последователей рассматривал все экономические проблемы, в том числе и проблему вмешательства в экономику, в широком философском контексте, не сводил ее к проблеме экономической эффективности.

Весьма показательным, что у Смита отсутствует термин *«laissez-faire»*, хотя, казалось бы, именно он должен был стать своеобразным практическим выводом из его теории. Вместо этого мы встречаем у Смита знаменитое выражение «невидимая рука», которое в отрыве от его философии — не более чем красивая литературная аллегория. «Невидимая рука» — это некоторое обозначение представления, что в природе и в обществе существуют порядок и гармония, за которыми стоит божественный промысел. Для Смита практический аспект, выраженный лозунгом *«laissez-faire»*, неразрывно связан и определен философским осознанием целостности мира и возможности согласования интересов отдельных людей. В отличие как от практиков типа Кольбера и Дарженсона, интересовавшихся прежде всего практическими вопросами, главным образом государственными финансами, так и от физиократов, рассматривавших процессы на уровне хозяйства как целого, Смит в центр исследования поставил человека и через «побуждения человеческой души» стремился понять общество и хозяйство, найти решение вопроса о гармонии человека и общества. Поэтому, если говорить о проблеме этики в экономической теории Смита, то ее следует понимать как проблему взаимоотношений людей в сфере хозяйства.

При этом нельзя игнорировать, что собственно экономическая теория Смита (в особенности та совокупность идей, которая на ее основе потом развивалась, и то понимание ее, которое в экономической мысли утвердилось) отражала лишь одну сторону хозяйственной жизни. Если говорить современным языком, то экономическая теория Смита в строгом смысле представляет собой некую модель, построенную вокруг одного момента, одного фактора — богатства. И в то же время широкий подход к анализу социально-экономических явлений, ренессансный интерес к человеку и различным проявлениям его сущности заставляют говорить о широком контексте экономических воззрений Смита. Для него, как указывает, например, К. Боулдинг, огромное значение имело то, что современные исследователи называют «культурной матрицей экономических феноменов»⁶. Это — социокультурный контекст хозяйственных процессов, включающий важнейшие культурные, нравственные, исторические характеристики данного общества (в той мере, в какой они имеют касательство к хозяйству), в том числе принятые моральные оценки богатства и способов его увеличения.

Во времена Смита богатство уже рассматривалось в обществе как благо, к которому можно и должно стремиться. Отсюда, возможно, и общая доминанта экономической теории как теории богатства. Но тем самым задавалась и некоторая этическая направленность теории, которая опиралась и на понимание допустимых методов увеличения богатства каждым человеком. Как сторонник либерализма в широком смысле Смит признавал за человеком право на полную реализацию своих экономических устремлений. Но было бы неверно понимать это как аналогию корыстного интереса в духе И. Бентама. Экономическая свобода у Смита неразрывно связана с нравственным чувством, и им определяются ее границы: «Человек ни в коем случае не смеет отдавать себе предпочтение перед прочими людьми в такой

⁶ Boulding K. Towards the development of a cultural economics. «Social science quarterly», Vol. 53, N. 2, p. 267.

мере, чтобы причинить им вред ради личной пользы, хотя бы последняя была несравненно значительнее, чем наносимый им вред»⁷.

Возможность реализации подобного нравственного императива основана на естественном чувстве симпатии людей друг к другу. «Отдавать свое сочувствие другим и забывать самого себя, ограничивать, насколько возможно, личный эгоизм и отдаться сладостной, снисходительной симпатии к другим представляет,— как писал Г. Бокль в предисловии к «Теории нравственных чувств»,— высшую ступень нравственного совершенства, к которой только способна человеческая природа; только таким путем мы можем достигнуть между людьми того согласия, в чувствованиях, при котором страсти наши оказываются законными и приносят нам счастье»⁸.

В то же время, если человек не нарушает законов справедливости, он «совершенно свободен следовать своему собственному интересу любым удобным ему способом и конкурировать как произведенным продуктом, так и капиталом с другими людьми»⁹. Тем самым оправдывались и сам корыстный интерес, и результаты, к которым — через рынок — ведут поступки, побуждаемые этим интересом. Для Смита это было естественным, потому что «природа устроена таким образом, что то, что осуждается совестью и нравственными чувствами, то вредно и для общества»¹⁰.

И все-таки вопрос о том, что значит справедливость в экономическом мире, остается. Смит признавал справедливым такое положение дел, при котором обеспечивается защита жизни и собственности. В своем отношении к собственности он следовал традиции Дж. Локка, рассматривая ее как естественное право. С этой точки зрения недвусмысленное требование защиты богатства от бедности, богатых от бедных, тех, кто имеет собственность, от тех, у кого ничего нет, вполне закономерно и законно. Сегодня подобное требование кажется слишком жестким и несправедливым и вряд ли может найти широкую поддержку в обществе. Не случайно, многие последователи Смита пытались и пытаются оправдать его ссылками на специфику исторического момента. Но уже само это стремление свидетельствует о том, что оценки, принятые в современном обществе, значительно отличаются от того, что было принято во времена Смита. Иными словами, изменилась матрица культурных феноменов, и вряд ли можно было ожидать, что останется неизменной экономическая теория, ориентирующаяся на эту матрицу.

Для Смита нравственность и хозяйство соединялись в человеке, а следовательно, не было необходимости обращаться к внешним силам, прежде всего к государству, для того, чтобы придать экономической деятельности нравственную ориентацию. Идея невмешательства у Смита, писал в конце прошлого века Ф. Йодль, была следствием идеи «автономного регулирования»¹¹. Автор «Богатства народов» не задавался вопросом о том, что формирует представления людей о справедливости, каким образом эти представления проявляются в поведении людей, почему установленный в результате свободной игры рыночных сил экономический порядок является справедливым. Убежденность в справедливости спонтанного общественного порядка опиралась на веру в Божественный промысел, в то, что гармония природы не может не сочетаться с гармонией общества и что устройство мира в соответствии с божественным предначертанием и есть справедливое. Отсюда — возможность избежать нормативной ориентации экономической теории.

⁷ С м и т А. Теория нравственных чувств. СПб., 1868, с. 179.

⁸ Там же, с. 37.

⁹ С м и т А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 151.

¹⁰ С м и т А. Теория нравственных чувств, с. 72.

¹¹ См. Йодль Ф. Этика и политическая экономия. СПб., 1895, с. 4.

Однако вера в естественную гармонию общества вместе с убежденностью в нравственной природе человека, идущей от Бога, наложили отпечаток на развитие экономической науки. Здесь следует обратить внимание на опасность, кроющуюся в возложенной на Бога ответственности за все происходящее в социальной сфере и тем самым в избавлении человека, в данном случае экономиста, от рассмотрения вопросов, связанных с оценкой существующего порядка. Подобная позиция была характерна для некоторых последователей Смита. Так, например, Ф. Бастиа писал: «Я верю, что тот, кто устроил материальный универсум, не устранился от организации социального мира. Я верю, что Он соединил и заставил действовать в гармонии свободных людей так же, как и молекулы... Я верю в то, что непобедимая социальная тенденция состоит в постоянном приближении людей к общему моральному, интеллектуальному и физическому уровню, причем этот уровень постоянно и безгранично повышается. Я полагаю: все, что необходимо для непрерывного и мирного развития человечества,— это чтобы данная тенденция не нарушалась, чтобы не нарушалась свобода этого движения»¹².

Многие последователи Смита, подчеркивая и развивая идею общественной гармонии, ослабили внимание к культурно-нравственному контексту экономических процессов, к проблеме нравственной обусловленности экономических мотиваций. И этот разрыв между этикой и экономической теорией заметно увеличивался в результате влияния философии позитивизма, с одной стороны, и того, что идеология свободной экономики стала общепризнанной и более не нуждалась в каком-либо обосновании и оправдании — с другой. Постепенно экономическая теория утрачивала связь с нравственной философией, и одновременно менялось обоснование ее этической нейтральности: вместо ссылок на Божественный разум появились ссылки на дарвиновский процесс естественного отбора, вообще исключавший применение категорий нравственности к социально-экономическим явлениям. Отдаление экономической теории от этики происходило в связи — и параллельно — с утверждением принципа методологического индивидуализма и дедуктивного метода анализа, хотя сами по себе эти принципы не исключают интерес к нравственной стороне поведения человека.

Этика и кейнсианская революция

Наиболее ощутимый удар по объективистской тенденции был нанесен Кейнсом. Он выступил и против этической нейтральности экономической теории, и против господства методологического индивидуализма, за нормативную ориентацию экономической науки (признав тем самым, условно говоря, внешний способ проникновения этики). Им была поставлена под сомнение основная предпосылка позитивной экономической науки¹³, которую можно выразить словами известного английского теоретика: «Разум может сказать нам, к каким результатам приведут те или иные действия, но он не может сказать, к чему следует стремиться... Разум указывает дорогу, но не выбирает цели. Он действует тогда, когда цели уже определены»¹⁴.

Кейнс попытался пересмотреть подобное представление о месте научного знания. В науке он не только видел инструмент поиска рациональных решений, путей достижения неких целей, но признавал за ней право уча-

¹² Цит. по Keynes J. M. The end of laissez-faire. «Collective writings of J. M. Keynes». 1926, Vol. 9, p. 28.

¹³ Поступив таким образом, он стал оппонентом собственного отца — известного философа и экономиста Джона Невилла Кейнса, книга которого «Предмет и метод политической экономии» является классической работой по методологии позитивной экономической науки.

¹⁴ Sh a c k e G. Epistemics and economics. London, 1972, p. 135—136.

ствовать в выборе самих целей. Подобно Смигу, Кейнс считал экономическую науку, скорее, разделом нравственной философии, чем естественнонаучной дисциплиной: «Я хочу подчеркнуть, что экономическая теория является моральной дисциплиной», — писал он в письме к Харроду. А в письме к архиепископу Йоркскому утверждал: «...экономическая теория, которую правильнее было бы называть политической экономией, есть часть этики»¹⁵. Как этическая наука она должна способствовать продвижению общества к лучшему будущему, к более цивилизованному состоянию.

Важной проблемой, таким образом, становится определение того, что такое цивилизованное состояние и какие необходимы для него материальные предпосылки. Последнее непосредственно относится к экономической теории. При этом сама трактовка Кейнсом материального благополучия выходила за рамки общепринятой. Он не отождествлял его с материальными благами как таковыми, а рассматривал как средство обеспечения человеку надежности и устойчивости в социально-экономической среде. Материальное благополучие — это не цивилизация, а ее возможность — так формулировал Харрод позицию Кейнса¹⁶. Цивилизация же означала для Кейнса такое состояние общества, когда каждый человек может реализовать внутреннее присущее ему стремление к добру. Причем добро он не сводил ни к счастью (вспомним Бентама), ни к удовольствию (вспомним теорию предельной полезности). «Добро, — писал Кейнс в диссертации, посвященной проблемам вероятности, — является простым и неопределяемым качеством, которое я могу установить только через непосредственное восприятие подобно тому, как я воспринимаю голубое или красивое»¹⁷.

Таким образом, проблема экономической политики, являющаяся важной частью концепции Кейнса (как и сама эта концепция в целом), теснейшим образом связана с этико-философской позицией ее автора. Здесь следует упомянуть два момента. Кейнс несколько не преуменьшал проблему целей и средств, намерений и результатов. Он вполне осознавал возможность того, что добрые намерения и соответствующие им действия могут обернуться плохими результатами. Но в условиях, когда конечный результат неизбежно оказывается вне пределов воздействия человека (заметим, что такая позиция совершенно не согласуется с представлением о Кейнсе как о социальном конструктивисте), единственным приемлемым правилом поведения становится требование следовать добру, творить добро. Представление же о добре у Кейнса глубоко индивидуалистично, что отражает его приверженность идее чисто личностной основы морали. Это несколько диссонирует со ставшими теперь привычными представлениями о нем как о человеке, утвердившем приоритет общественного над личным, целого над частью, придерживающегося принципа методологического холизма, наконец, заложившего основы макроэкономической теории.

Однако противоречие между личностными оценками и теоретико-методологическими установками отчасти снимается, если вспомнить об убежденности Кейнса относительно принципиальной возможности согласовать личное и общественное благо. Но в отличие от Смига, который в поиске опоры, гаранта социальной гармонии обращал свой взор к Богу, Кейнс апеллировал к человеческому разуму и, как ни странно, к законам вероятности. Он считал, что хорошие поступки скорее ведут к хорошим, нежели к плохим результатам и то, что хорошо для одного человека, вероятно, будет хорошо и для общества. В диссертации он, в частности, писал: «Наши

¹⁵ Цит. по O' D o n n e l l K. M. Keynes: philosophy, economics and politics. The philosophical foundation of Keynes' thought and their influence on this economics and politics. London, 1989, p. 165.

¹⁶ С м а г г о d R. The life of John Maynard Keynes.

¹⁷ Цит. по O' D o n n e l l K. M. Op. cit., p. 113.

возможности определить, что именно является нашим долгом, зависит от предположения, что если в какой-то части добра становится больше, то и в целом его станет скорее больше, чем меньше».

Следствием такого вероятностного подхода к согласованию интересов человека и общества является, по-видимому, и нестрогий методологический монизм Кейнса. Он позволял себе использовать метод как методологического индивидуализма, так и холизма при некотором преобладании последнего. С позиций холизма написана «Общая теория занятости, процента и денег». В ней проблемы производства и потребления рассматриваются в целом, на макроуровне (в отличие от неоклассики, в которой теория производства — это теория фирмы, а теория потребления — индивида). В то же время при объяснении ряда важнейших зависимостей, например психологического закона, инвестиционной функции, функции предпочтения ликвидности, Кейнс апеллировал к индивиду и переносил (хотя и не совсем прямо) закономерности его поведения на движение агрегатных величин.

Наряду с указанными выше общефилософскими и методологическими -установками представление Кейнса о сущности и задачах экономической науки определяли также его оценки перспектив западного общества и рыночного хозяйства. Последние он рассматривал с двух точек зрения: краткосрочной и долгосрочной. Соответственно, перед экономической наукой ставились задачи решения проблемы занятости и экономического развития в целом.

Широко известна позиция Кейнса как критика капиталистической системы хозяйства прежде всего за неспособность обеспечить занятость всем, кто хочет работать. Он высказывал сомнение в том, что современный ему капитализм способен обеспечить экономическое процветание и активно разрабатывал идею коррекции рыночной системы. Причем речь шла именно о коррекции, а не о радикально-революционном переустройстве общества.

Подобная осторожно реформистская позиция определялась несколькими мотивами: во-первых, оптимистической оценкой долгосрочных перспектив западного общества в широком плане; во-вторых, осторожным подходом к вопросу о соотношении целей и средств при решении серьезных социальных проблем; в-третьих, верой в возможности интеллектуальной элиты стать носителем морали цивилизованного общества и разработать научный инструментарий, указывающий путь к этому обществу. Что касается перспектив западного мира, то даже в разгар великой депрессии Кейнс их оценивал весьма высоко. Он, в частности, писал: «Если не будет разрушительных войн и население не будет расти чрезвычайно быстро, то в пределах ближайших ста лет экономическая проблема может быть решена. Это означает, что она не является перманентной для человечества»¹⁹. Реальными проблемами будущего, по мнению Кейнса, должны стать проблемы «поддержания мира и международного порядка, дружбы и сотрудничества, а также проблемы социальные и нравственные, возникающие в связи с необходимостью сделать так, чтобы материальное благополучие способствовало добродетельной жизни»²⁰.

На представление Кейнса о допустимых средствах решения экономических проблем большое влияние оказали события в России, экономическая и социальная политика советского правительства. Наблюдая за происходящим в нашей стране, Кейнс получил подтверждение тезису, что едва ли существуют какие-либо экономические цели, необходимым способом дости-

¹⁸ Цит. по O'Donnell K. M. Op. cit., p. 129.

¹⁹ Keynes J. M. Economic possibilities for our grandchildren. «Collective writings of J. M. Keynes». Vol. 9, p. 326.

²⁰ Ibid., Vol. 27, p. 260 — 261.

жения которых была бы революция ²¹. Во всяком случае среди позитивного в методах ведения хозяйства, предложенных в России, он не видел ничего такого, что не могло бы применяться в западных странах.

Наука, которую представлял Кейнс, и среда, из которой он происходил, вполне могли бы указать обществу путь к лучшему будущему. В просвещенной элите он видел своеобразный интеллектуальный и нравственный авангард общества, выступающий не столько как защитник старого (общепризнанной системы ценностей, сложившихся представлений о роли правительства, об экономике и экономической политике и т. д.), сколько как носитель новых ценностных ориентиров. Для Кейнса и его единомышленников разрыв с викторианскими ценностями не только отражал сомнение по поводу ранее казавшихся безусловными добродетелей (бережливость, подчинение общественному мнению и т. д.), но и был своеобразным подтверждением преходящего характера любых принятых в обществе норм и оценок, свидетельством того, что современное общество движется к несколько иной системе социальных приоритетов.

Можно, хотя и с известной долей осторожности, говорить об элитарности и даже антидемократической направленности этики Кейнса. Элитарность (в данном случае означая следование этическим представлениям узкой группы людей), предполагающая явно выраженную позицию ученого, отличную от приоритетов некоего среднего экономического человека, проявилась и в избранном Кейнсом методе анализа — холизме, и в макроэкономическом подходе как таковом. И какой бы острой ни была критика теоретической конструкции Кейнса, экономической политики, действительно или лишь видимо базирующейся на выводах из его теории, она не может затронуть того главного, что сделал Кейнс для экономической науки XX в. — признание ее этической направленности, необходимости повышения уровня благосостояния людей и разработки концепции, указывающей путь к этой цели через активизацию инвестиционного процесса.

Возможен ли методологический дрейф «чистой» экономической теории

Можно ожидать, что дальнейшее развитие экономической науки будет отмечено не столько противостоянием про- и контррыночной аргументации, сколько сохраняющейся дихотомией нормативной и позитивной ориентации в экономической теории и попытками преодолеть эту дихотомию. Острота проблемы определена тем, что, размышляя о человеке и его месте в хозяйственной системе, экономическая теория уже не может игнорировать нравственную сторону хозяйственной жизни. И вопрос состоит лишь в том, примет ли она строго нормативную ориентацию или попытается решить проблему в рамках позитивного подхода, расширяя границы «чистой» теории. В последнем случае нравственные установки и моральные ограничения признаются важнейшими факторами, влияющими на поведение человека в хозяйственной области, а следовательно, и на развитие экономики в целом. Тем самым открывается путь их «проникновения» в экономическую теорию.

Долгое время на роль единственной теоретической конструкции, позволяющей анализировать поведение экономических субъектов, претендовала неоклассическая микроэкономика. Она базировалась на философии утилитаризма, рационалистически-индивидуалистическом подходе: рассматривала экономику как совокупность совершенно суверенных индиви-

²¹ См. Ibid., Vol. 9, p. 267

дов, стремящихся в ходе хозяйственной деятельности достичь максимума своей целевой функции (удовлетворение, удовольствие, полезность и т. п.). В ходе эволюции неоклассической концепции, показавшей ограниченность бентамовского подхода к описанию поведения человека, неоднократно ставилась проблема выявления более сложных мотиваций человека, не сводящихся к стремлению получить максимум удовольствия от растущего богатства. Был поставлен и вопрос о социальной ориентированности человека и (в связи с этим) о существовании сложной взаимозависимости человека и общества, человека и общественной группы, к которой он принадлежит. Такая взаимосвязь воплощается в принятых в обществе нравственных нормах и моральных принципах, которые не только задают некоторые ограничения на допустимый арсенал средств достижения индивидуальных целей, но и оказывают влияние на сами эти цели.

Для традиционной неоклассической схемы это означало новую проблему: преодолеть очевидную ограниченность и в то же время сохранить общность и строгость. Наиболее простые пути ее решения — попытаться «запрятать» всякого рода моральные аспекты в различного рода «предпочтения», которые образуют своего рода «черный ящик» побуждений человека; трактовать полезность очень широко, включив в нее полезность (удовлетворение), например, от альтруистских поступков. Столь расширительная трактовка понятия полезности позволяет оставить в неприкосновенности философско-методологические основы неоклассической парадигмы, включая принцип методологического индивидуализма и приверженность позитивному подходу в целом.

Постановка проблемы «человек и общество» применительно к сфере хозяйства уже означает признание необходимости более широкого подхода к экономической теории, во всяком случае выход за рамки строгого методологического индивидуализма и позитивизма. И сложность проблемы не столько в необходимости отграничить побуждения, определенные моральными установками, от тех, в основе которых лежит стремление к удовольствию от материальных благ, сколько в невозможности строго разделить экономические и неэкономические, рациональные и нерациональные мотивы поведения людей.

Положительный ответ на вопрос о принципиальной возможности «методологического дрейфа», т. е. возможности некоторого объединения нормативного и позитивного подхода и принципов методологического индивидуализма и холизма, предполагает конкретные шаги в направлениях новой экономической теории. Это должна быть теория, опирающаяся на новую экономическую философию, наиболее важным моментом которой является признание человека органической частью общества, в котором он живет и которое развивается вместе с ним.

Предложенная А. Этциони «I&We» парадигма — это прежде всего констатация ограниченности ортодоксальной неоклассической теории, ее недостатков как метода анализа экономического поведения. Это — определенная заявка на будущее, указание на направление, в котором следует двигаться, а отчасти и на философскую базу. Данная парадигма покоится на деонтологической этике, предполагающей, что оценочные суждения пронизывают как поступки людей, так и их намерения, что эти суждения неотделимы от нравственных норм общества и во многом задаются ими, что они выступают в роли некоторого противовеса инстинктам человека, его устремлениям, которые принято называть корыстными.

«Индивиды,— пишет Этциони,— находятся под влиянием двух основных наборов факторов — своего удовольствия и морального долга. Эти факторы по-разному проявляют себя в различных исторических и социальных условиях, по-разному влияют на поведение различных людей при одних и тех же условиях. Следовательно, изучение побудительных мотивов, кото-

рые стоят за этими факторами, является важным для построения адекватной теории поведения человека и общества, включая и экономическое поведение. Соответствующая теория может быть обозначена как «*socio-economics*»²². Иными словами, анализировать поведение человека можно лишь с учетом социального контекста. Только зная этот контекст, можно выполнить задачу позитивной науки, как бы последняя ни была сформулирована: объяснять или предсказывать. Этот социально-исторический контекст проявляется в принятых в обществе нравственных нормах, которые не только выступают в роли ограничителей побуждений и поступков людей, но и в значительной мере формируют их как личности.

О непосредственном влиянии на экономическое поведение людей принятых в обществе моральных норм свидетельствуют многие факты. Например, отношение в обществе к жизни в долг, к семье и будущим поколениям — все это влияет на склонность к сбережениям, а в конечном счете определяет национальную норму сбережений; нравственные принципы, воплощенные в трудовой этике, в большой степени влияют на производительность труда и эффективность общественного производства, более того, в некоторых областях они являются регуляторами, гораздо более эффективными, чем любой вид внешнего контроля, включая и контроль рынка и цен²³. Во многих случаях поведение человека в экономической области в значительной мере регулируется представлениями о справедливости и морали, причем они не могут быть сведены к иным мотивациям.

Неоклассическая парадигма сыграла с экономической наукой злую шутку, утвердив представление о том, что все, выходящее за рамки принципа логики выбора, должно относиться к области нерационального и подлежит выводу за рамки научного анализа. Признание реальности моральных элементов и их влияния на поведение человека в области хозяйствования — такую задачу пытаются решить критики неоклассической ортодоксии, стремясь при этом проложить дорогу новой теории экономического поведения, не противоречащей принципам позитивной науки. В рамках позитивного подхода можно не только констатировать реальность морали как фактора экономического поведения, но и подойти к рассмотрению процесса формирования морали в связи с развитием хозяйства.

Наиболее заметным примером подобного, условно говоря, динамического анализа является концепция эволюционной этики и *expended order* Ф. Хайека. В рамках этой концепции этические нормы трактуются как некие надындивидуальные правила поведения (заставляющие людей сдерживать свои инстинкты). Эти правила спонтанно и утверждаются или отбрасываются в ходе процесса эволюции в зависимости от того, способствуют ли они выживанию и экспансии принявшего их общества или же, напротив, ведут к его застою и гибели. Нормальные нормы — и в этом одна из главных идей Хайека — способствуют упорядочению экономической деятельности и координации экономической активности людей вне зависимости от того, осознается это людьми или нет.

Единственный приемлемый для Хайека критерий оценки социально-экономического порядка — критерий естественного отбора. С этой точки зрения преимущества принципов личной свободы, частной собственности, невмешательства, т. е. всего, что в нашем представлении связано с рыночной (капиталистической) системой, очевидны потому и только потому, что они сформировались в ходе процесса социальной эволюции. «Чтобы понять нашу цивилизацию, — пишет Хайек, — нужно осознать, что этот порядок (рыночный, капиталистический — Я. М.) возник не в результате намере-

²² Etzioni A. The moral dimension: Toward a new economics. New York, 1988, p. 63.

²³ См. например, Leibenstein H. Beyond economic man. A new foundation of microeconomics. Cambridge, 1976.

ний или предначертаний людей, а спонтанно. Он является результатом непреднамеренного следования неким традициям и нравственным нормам, многие из которых могут кому-то не нравиться, значение которых обычно не понимают, а ценность не могут доказать. Но эти нормы, тем не менее, довольно быстро распространяются благодаря естественному отбору: принятие этих норм гарантирует обществу рост богатства и численности населения»²⁴. Здесь мы встречаемся с разработанной и поставленной на прочный философский базис дарвиновской идеей естественного отбора.

Для последовательного сторонника принципа методологического индивидуализма, каковым является Хайек, важнейшая методологическая проблема — это переход от индивидуального к надиндивидуальному уровню, переход, который отражает философскую проблему интеграции индивида в социально-экономическое целое. Именно для решения этой проблемы (т. е. для того, чтобы показать, как из отдельных индивидов формируется социум и каким образом последний влияет на индивида) Хайек обращается к морали как некоей системе выработанных обществом правил поведения и к традиции как специфическому способу закрепления этих правил и передачи их от поколения к поколению.

Для Хайека традиционная мораль представляет стержень общественного развития, обеспечивающий его непрерывность и преемственность. Эта точка зрения принципиально отличается от позиции Кейнса, для которого, как уже отмечалось, традиционная мораль — фактор, сдерживающий развитие.

У Хайека традиция и система нравственных принципов, которую она несет, выполняют примерно ту же роль, что и «невидимая рука» у Смита — согласование двух уровней: индивидуального и общественного. Однако в трактовке того, что предопределяет возможность подобного согласования, проявляются глубокие различия в мировоззренческой позиции двух ученых. Если для Смита принципиальная возможность гармонии личного и общественного — не что иное, как одно из проявлений божественной мудрости, то для Хайека единственной силой, способной примирить все устремления, является процесс эволюционного отбора. Даже религия для него — не более чем специфическая форма выражения нравственных норм, наиболее эффективных с точки зрения выживаемости данного общества, а Бог — персонификация этих норм. В концепции Хайека проявилось уже не столько признание важности морали, нравственных норм и т. п. как факторов, существенным образом влияющих на сферу экономики, сколько стремление дать рациональное объяснение социально-нравственному контексту и его эволюции в связи и вместе с эволюцией рыночного порядка. Если Эт-циони и другие критики ортодоксальной теории экономического поведения стремятся доказать несводимость моральных установок, оказывающих влияние на поведение людей в области хозяйствования, к рациональному выбору и необходимость признания их в качестве самостоятельной силы, то Хайек, признавая значение морали для экономики, пытается объяснить ее существование рационалистически, используя при этом идею эволюционного процесса.

Таким образом, признание важности морали в экономической жизни общества, а следовательно, и этики в экономической теории стало чертой, характерной для современной западной экономической науки. Однако сам факт подобного признания и, более того, анализ воздействия социально-культурных и моральных факторов на экономическую деятельность людей и социальные институты еще не решают главной методологической пробле-

²⁴ Hayek F. The fatal concept. The error of socialism. London, 1988, p. 6.

мы — синтеза позитивного и нормативного подходов в рамках экономической науки. Обоснованием принципиальной возможности если не синтеза как такового, то, по крайней мере, движения к новой экономической науке, которую можно назвать гуманистической экономической теорией цивилизованного общества, служит тот факт, что в современном мире все большее признание получает идея некоторого социально-нравственного и политико-экономического консенсуса. Подобный консенсус, независимо от того, в какой форме и под влиянием каких конкретных событий он может быть достигнут, стал бы реальным базисом экономической науки будущего, движение к которой, пусть и весьма осторожное, происходит уже сегодня.

© Н. Макашова, 1992